

Приближается очередная годовщина чернобыльской трагедии. За прошедшие с момента взрыва на ЧАЭС тринадцать лет о самой масштабной в истории человечества техногенной и экологической катастрофе сказано немало...

Приближается очередная годовщина чернобыльской трагедии. За прошедшие с момента взрыва на ЧАЭС тринадцать лет о самой масштабной в истории человечества техногенной и экологической катастрофе сказано немало. Немало, но еще далеко не все и не всеми, кто может и должен о ней рассказать... Мой собеседник - подполковник в отставке Серафим Степанович Воробьев. В 1979 году, закончив службу в Вооруженных Силах, он в поисках жилья оказался в Припяти, устроился работать на ЧАЭС. Первые месяцы трудился лаборантом-радиометристом, а затем был назначен начальником штаба Гражданской обороны станции. На этой должности проработал более девяти лет. Ныне пенсионер, инвалид третьей группы, киевлянин.

- Серафим Степанович, готовясь к встрече с вами, перечитал заново две повести: «Чернобыль» Юрия Щербака и «Чернобыльскую тетрадь» Григория Медведева. У Щербака о начальнике штаба ГО станции вообще ни слова. Медведев же не раз вспоминает о некоем начальнике ГО, но среди сотен упомянутых в его документальной повести людей этот человек единственный, о ком сказано, что фамилия действующего лица изменена. Автор сделал это по вашей просьбе?

- Нет, я тут ни при чем.

- А у меня, признаюсь, закралась было мысль, что инициатива с изменением фамилии исходит от вас: не захотели лишний раз быть упомянутым в связи с теми событиями. Не секрет, что действия Гражданской обороны в первые дни ликвидации аварии вызвали немало нареканий...

- Что ж, для такого предположения у вас есть основания. И хотя упреков от припятчан в свое время пришлось выслушать немало, однако, поверьте - мне прятаться за чужой фамилией нечего... На станции меня сменили на седьмые сутки после аварии. И вот как приехал в «Сказочный» - в этом пионерлагере жил тогда персонал станции - так не было дня, чтобы ко мне не подходили люди с одними и теми же вопросами: «Что же вы, гэошники, так подвели? Почему не оповестили об аварии, затянули с эвакуацией?».

- И что же вы им объясняли?

- Тут в двух словах не ответишь - начинал рассказывать, как оно все было на самом деле. Одному рассказал, второму, третьему... Мне стали предлагать: «Выступи у нас в цехе, расскажи всем»... Я было уже и собрался, но тут подходит ко мне сотрудник КГБ - представился, удостоверение показал - и проводит так называемую профилактическую беседу: «Все, что касается произошедшего на станции, - государственная тайна. Прекратите сообщать сведения об аварии!». А потом это же ведомство приглашает меня в Киев. Там примерно такой же разговор, но теперь уже: «Подпишите обязательство о неразглашении». Подписал. И все прошедшие годы старался избегать разговоров на эту тему. Я бы и сейчас не стал встречаться с вами - без меня рассказчиков хватает - но ведь

сил нет смотреть на это безобразие: чем дальше от аварии, тем все больше вранья о ней. Некоторые вместо того, чтобы критически переосмыслить те события, сделать выводы на будущее, начинают переписывать их заново, подгонять историю под себя, свое ведомство, конкретных должностных лиц. А ведь пройдет еще несколько лет и эти публикации будут восприниматься как истина, на них будут ссылаться историки.

- Так расскажите, как все было на самом деле. Вы, например, знали о том, что 25 апреля на 4-м блоке начат эксперимент?

- Нет, ничего об этом не слышал - после работы спокойно уехал домой. На следующий день, в субботу, без пяти два - звонок телефонистки: «Срочно прибыть на станцию!». Попытался уточнить, что там случилось, но она коротко так: «Крупная авария» - и отключилась. Я бывший военный: минута - уже оделся. Добежал до гаража - он был недалеко от дома - завел свой «Жигуленок» и на станцию. По дороге захватил начальника 1-го отдела Игоря Никифоровича Ракитина и секретаря парткома АЭС Сергея Константиновича Парашина. Приближаемся к станции, Ракитин кричит: «Смотрите, смотрите!». Я на несколько секунд оторвал взгляд от дороги. Вижу: на здании 4-го блока развал, из него валит дым. Огня не заметил. Сразу возникло чувство огромной тревоги - аварии бывали на станции и раньше, но чтобы с такими разрушениями... В фойе АБК-1 (административно-бытового корпуса) уже стоял директор станции Виктор Петрович Брюханов и с ним человек десять управленцев. Директор дал команду: «Вскрывать убежище!».

- Он как-то объяснил происходящее?

- Нет. Виктор Петрович вообще человек немногословный - промолчал и тогда... Спустились в убежище. Я включил ДП-5 - армейский прибор радиационной разведки: 30 миллирентген в час!

- Как же радиация попала в специальное защищенное помещение?

- Дело в том, что убежище находилось под спецпрачечной, из неё постоянно просачивалась вода, и на ночь для просушки включали чистую - без фильтров - вентиляцию. Она-то и всосала радиацию. А чтобы вы представляли: 30-миллирентген - это в 600 раз больше обычного радиационного фона! Чем заниматься дальше мне было ясно: надо определять, есть ли выход радиации за пределы промышленной площадки. Перебежал через дорогу от АБК к остановке автобуса, сделал замер - уровень радиации в пять раз выше, чем в убежище. Доложил директору и стал звонить в Москву.

- Почему же в Москву, а не в Киев?

- Станция была центрального подчинения, и я хотел вначале связаться с начальником штаба ГО «Союзатомэнерго», а потом уже с Киевом. Но это не удалось - автоматический выход на междугородные телефонные разговоры оказался отключенным. Попытался позвонить в Москву через дежурную телефонистку, но она сказала, что междугородные разговоры запрещены.

- Кем?

- Об этом я узнал позже - заместителем директора станции по режиму. Эту должность занимал штатный работник КГБ, а у него в такой ситуации были свои инструкции - не допустить утечки информации. В Припяти, кстати, тогда тоже междугородку отключили. В связи с этим вспоминаю, как года за три до тех событий, на учениях ГО обсуждался вопрос о порядке оповещения в случае аварии. Возник спор по некоторым деталям. Бывший в то время заместителем директора станции по режиму майор Вареник слушал нас, слушал, а потом говорит: «Что вы спорите? Как КГБ скажет - так и будет». В реальной обстановке все так и вышло... Выручило то, что кроме обычных телефонов была еще и отдельная линия связи со штабом ГО области. По ней вышел на дежурного: «В 1.25 на четвертом блоке Чернобыльской АЭС произошла общая авария. Немедленно доложите начальнику штаба области, что дело очень серьезное. По-видимому, потребуется мобильный отряд гражданской обороны».

- Почему же ничего не сказали об уровнях радиации?

- Понимаю ваше недоумение. Но ведь в те годы все, что имело хоть какое-то отношение к радиации, было тайной за семью печатями. Я хорошо знал существующие на этот счет инструкции, и тогда, при первом докладе, не решился нарушить установленный режим секретности. Но поясню: по принятой в ГО классификации все аварии на АЭС делились на три категории: локальные, местные и общие. Термин «общая авария» и означал, что радиационные последствия аварии вышли за пределы территории станции. На ней ведь и раньше случались локальные и местные аварии с выбросом радиации, но к информации о них был допущен узкий круг должностных лиц. Я в их число не входил и порою только случайно узнавал о произошедшем.

- Но тогда-то, ночью 26 апреля, в Киев вы об аварии доложили, а почему не сообщили о ней населению Припяти?

- Не все так просто. Оповещение должно проводиться при определенных уровнях радиации, а для этого надо было знать обстановку вокруг станции. Вместе со своим сослуживцем по штабу ГО станции старшим инженером Яковом Лазаревичем Сушко все на том же «Жигуленке» мы выехали в разведку. Он вел машину, я производил замеры. По дороге вдоль ограждения станции проехали в район 4-го блока. Уровни росли на глазах. Возле столовой «Электроника» ДП-5 зашкалил на диапазоне «200 рентген в час» - это предел измерений таким прибором. На малых оборотах стал глохнуть двигатель машины, остановились мои наручные электронные часы. Возвратились в убежище, я доложил данные разведки директору, занялся уточнением обстановки в цехах, выдачей приборов разведки...

- А что же Брюханов? Как он воспринимал ваши доклад?

- Стоит ли касаться этой темы? Ему и так досталось... Хотя с другой стороны, что было то - было, да и если не ответить на этот вопрос, вам будет непонятно, почему все так получилось... Вначале Виктор Петрович действовал в своем обычном стиле - по-деловому:

«Включай фильтровентиляционную установку!», «Выдавай средства защиты!». Но чем дальше, тем все меньше я его узнавал. Странно он себя повел: «Воробьев, все документы сюда! Начинаем учения Гражданской обороны. Всем изучать свои обязанности. Сейчас приедут из Киева и будут нас проверять». Какие учения? Отовсюду идут доклады, что все дозиметрические приборы зашкалили, а он: «Учения...». Когда мы с Сушко возвратились из разведки, говорю ему: «Надо оповещать население!» Он меня слушать не хочет: «Иди, иди отсюда! У меня есть Коробейников» - и рукой меня отталкивает. Подхожу к секретарю парткома: «Как быть? Надо оповещать!». Парашин советует: «Давай убеждай Брюханова сам!». Как же его убеждать? Он ведь грамотный специалист - не хуже меня знал порядок действий в такой обстановке. Сколько раз на учениях ГО отработывали вопрос оповещения, а тут... Я так предполагаю, что к тому времени он уже получил сверху какие-то указания на этот счет. Позже директор и вовсе запретил мне сообщать кому-либо об уровнях радиации. Это было уже утром, когда он и Коробейников возвратились из Припяти.

- А кто такой Коробейников?

- Начальник лаборатории внешней дозиметрии - она находилась в городе. Представленные им данные фигурируют в письменном докладе директора об аварии. Коробейниковым и Брюхановым подписана справка о радиационной обстановке в Припяти по состоянию на 10.00 26 апреля. Об обнаруженных нами участках с сотнями рентген в этих документах - ни слова.

- Брюханов вас слушать не захотел. Но ведь была связь со штабом ГО...

- Была. После разведки, где-то в половине пятого, позвонил начальнику штаба ГО Киевской области полковнику Карнюшину. Его первый вопрос: «Ну что, пожар потушили?» Я ему: «Да что пожар! Здесь общая авария! Об-ща-я! Надо оповещать население!» Он завелся с пол-оборота: «Паникер! Ты думай, что говоришь! За такой доклад голову оторвут». Я кричу в трубку открытым текстом: «Прибор ДП-5 зашкаливает! Более 200 рентген в час!». На мой крик прибежали из своих кабинетов инженер спецсвязи Резников и начальник режимного отдела Ракитин: «Ты чего, Степаныч?» А у меня нервы на пределе - никто не верит. Разговор с Карнюшиным закончился указанием взять с собою свидетелей и еще раз проверить уровни радиации.

- И что, перепроверяли данные со свидетелями?

- Нет, посторонних привлекать не стали. Еще когда первый раз с Сушко ездили, я прикинул по скорости отклонения стрелки прибора: где-то рентген 600. А ДП-5 почему до 200 рентген рассчитан? Там, где больше - человеку без специальной защиты делать нечего - это или смерть, или калека. Что ж зря жизнями людей рисковать? Поехали вместе с Василием Дмитриевичем Соловьём - о нем я уже упоминал. Может быть, и без него бы обошелся, но все меня упрекают: «Паникер!» - я уже и сам засомневался. Думаю: «А вдруг и правда что-то не так измеряю?» В этот раз замеры проводил он, а я управлял «Жигуленком». Ошибки не было - показания приборов - а мы их для страховки с собой два взяли - совпали с результатами предыдущей разведки. Более того - уровни росли. И

снова: стали въезжать в зону высоких полей радиации - машина «чих-пых». Уже позже я узнал, что в тех местах были участки, где «светило» свыше двух тысяч рентген...

От АЭС поехали к Припяти. На пути к городу попадались «пятна», где было до сотни рентген в час. У перекрестка дорог увидели группу милиционеров. Замерили возле них - 2 рентгена. Показал им прибор: «Смотрите, что здесь!». Вижу колеблются: «Как быть?» Но люди служивые - остались на посту. Чуть дальше, на обочине - десятка полтора людей ожидали автобуса из Припяти. А там - 5 рентген. Объяснил им, что к чему. Обступили меня, смотрят с недоверием. Когда позже возвращались обратно - людей в том месте уже не было...

Приборы реагировали на радиацию и за пределами трёхкилометровой санитарной зоны: на путепроводе у въезда в Припять «светило» полрентгена в час. При приближении к городу бросилось в глаза, что едем-едем, а стрелка ДП-5 все на одной и той же отметке. Сообразил в чем дело: машина была уже порядком «грязной». Остановились, замерили - на колесах по восемь рентген. (Потом мыл её. мыл - и все без толку. Пришлось сдаться в могильник)... Проехали по окраине Припяти: от десятка до сотен миллирентген в час. А ветер со стороны станции. Срочно возвратились в АБК. Сообщил дежурному по штабу ГО области результаты повторной разведки. Прошу его: «Доложите начальнику штаба - надо оповещать население!». Дежурный мне: «Начальник штаба уже выехал». Я так понял - сюда, на станцию. Думаю: «Ну что ж, пусть сам убедится, что к чему»... Представил схему радиационной обстановки директору - решения по оповещению все нет.

- Кто же должен был его принять?

- По существовавшим в то время инструкциям - начальник ГО объекта - то есть директор станции. Но не стоит все шишки валить на него: чем дальше, тем все больше руководителей узнавало об этой аварии. Дать команду на оповещение в городе, районе или области были обязаны председатели соответствующих исполкомов - они же начальники ГО. Но Иван Степанович Плющ - предисполкома Киевской области - в тот день оказался не в Припяти, а в другом конце области - там проходили учения ГО. Туда же - это выяснилось позже - убыл и Карнюшин. Потом, на суде, его спросили (он проходил как свидетель): «Как же так?». А он: «Я думал Воробьев шутит». Хороши шуточки!...

В ту же ночь - уже через несколько часов после взрыва - в Припять прибыл второй секретарь обкома партии Владимир Григорьевич Маломуж. Он-то и взял на себя руководство. С моей точки зрения - толковый партийный работник, искренне переживал тогда за все происходящее, но ведь ГО - не его участок работы. В этом деле множество тонкостей. Пока не вникаешь - все вроде просто, а коснешься конкретных вопросов... Вот тогда и получилось: надо принимать решения, а уверенности в правильности своих действий нет - стали ждать распоряжений сверху, перекладывать ответственность на плечи все более старших начальников. Позже их столько в Припять наехало! Были среди них и начальник штаба ГО Украины генерал Бондарчук, и заместитель начальника ГО СССР генерал Иванов. Я когда узнал об их приезде, думаю: «Ну уж теперь все станет на

свои места!», но... Почему оповещение так и не было проведено - для меня и сегодня загадка.

- Впоследствии многие руководители ссылались на то, что не имели необходимых сведений о радиационной обстановке....

- Уже та информация, которая была известна к 10-ти утра 26 апреля, давала основание для принятия решения об оповещении. Даже если не знать о десятках и сотнях рентген, а основываться только на письменных донесениях директора АЭС (почитайте их - они опубликованы) - уже исходя из этого надо было давать команду на информирование населения об аварии. В подписанной Брюхановым и Коробейниковым справке о радиационной обстановке в Припяти фигурируют цифры от 4 до 15 микрорентген в секунду. В пересчете - это от 14 до 54 миллирентген в час. А требования руководящих документов на этот счет были такие: превысили уровни радиации 0,05 миллирентгена в час - надо информировать население, разъяснить людям, как вести себя в такой обстановке. Более 200 миллирентген - включить сирену, подавать сигнал «Радиационная опасность». Вот и прикиньте, что к чему... В первую очередь надо было думать о людях, но тогда руководство, похоже, больше волновал реактор.

- А когда вы узнали, что реактор разрушен?

- Уже ближе к рассвету. Обстановка в те часы была такой, что я потребовался всем и сразу: одному надо получить приборы, другому - противогазы, третьему - документы ГО... В том числе обратились ко мне и пожарные - нужны средства защиты. На их автомобиле поехал к складу ГО - это возле третьего блока. По дороге смотрю: то там, то здесь разбросаны какие-то черные камни. Спрашиваю старшего лейтенанта - пожарного, с которым ехал в машине: «Что за камни?». Он отвечает: «Это графит». Думаю: «Откуда он здесь?». Доехали на место, я выдал пожарным средства защиты и бегом к директору: так мол и так. Он понял, что к чему: «Вызывайте спецформирование»... Подошел к заместителю главного инженера по науке Лютову, рассказал ему о графите. Он меня выслушал и спокойно так говорит: «Не паникуй! Это разбросало графит, оставшийся при кладке реактора». А мне ведь надо точно докладывать: разрушена активная зона реактора или нет. На свой страх и риск пошел к тем камням - их ближе к четвертому блоку полно валялось. Я как рассуждал: если это графит из реактора, значит приборы покажут повышение уровня радиации. Начинаю замерять. И вот ведь какое дело: казалось бы не новичок - училище и академию химзащиты закончил, всю службу имел дело с приборами радиационной разведки, а тут ничего не понимаю: и над графитом прибор на диапазоне «200 рентген» зашкаливает и в метре от него стрелка отклоняется так, что кажется вот-вот согнется. Почему так? Решаю: «Вынесу графит на чистое место - там его и замеряю». Побежал искать какую-нибудь железяку или лопату - рукой ведь не возьмешь. А перед майскими праздниками - как на зло - прошел субботник и везде навели порядок: не найду ничего подходящего. Когда слышу голос начальника пожарной охраны станции майора Телятникова. Я к нему: «Леонид Петрович, откуда графит?». Он вначале выматерился, а потом: «Откуда, откуда! Сорвало крышку реактора! Он разрушен!». Тогда-то мне стало понятно, почему прибор так странно себя вел - под ногами было выброшенное из реактора топливо...

- А как вас, работников Гражданской обороны, ориентировали до аварии: возможен взрыв реактора?

- О взрыве речи не было, хотя разрушение реактора не исключалось. Но это в результате военных действий или диверсий. А о том, что к взрыву может привести нарушение правил эксплуатации - слышать не доводилось. Почти ежегодно на одной из АЭС страны проводились показательные учения ГО, и на них привлекались директора и начальники штабов атомных станций со всего Советского Союза. Я присутствовал на трех таких учениях и скажу, что с каждым годом вопрос безопасности эксплуатации станций ставился на них все острее. Соловей - он раньше меня на АЭС начал работать - рассказывал, что мой предшественник по должности начальника штаба побывал в 1979 году на таком мероприятии (оно проходило на Кольской АЭС), послушал, что там говорили о возможных последствиях аварий на АЭС, и не захотел дальше работать на станции - уехал из Припяти. Были, наверное, и другие сомневающиеся в надежности реактора, но подавляющее большинство работавших на станции - и я в их числе - считали, что подобной аварии быть не может потому, что не может быть никогда... В апреле 1985 года показательные учения ГО проводились на нашей станции. На них все получалось четко. И за год до этого, на плановых учениях, успешно отработали вводную о разрушении 45 технологических каналов реактора. Служба радиационной безопасности произвела расчеты и успокоила: «защита населения не потребуется». Я возразил: полученные мною данные говорили об обратном. Но тогда меня поддержал только главный инженер станции Николай Максимович Фомин. Он, кстати, вечером 27 апреля спрашивает меня: «Воробьев, а в твоих документах ничего не написано, что с реактором дальше делать?» Вот тут я, честное слово, испугался: «Вот тебе и раз! Специалисты со всего Союза наехали, а как реактор успокоить - никто не знает».

- А когда в разведку ходили, разве страшно не было?

- Врать не буду - мандраж был. Но это не то, что 27-го. Когда к реактору шел, не опасности боялся - я и раньше, в армии, с радиацией дело имел - больше давило чувство огромной ответственности: волновался за то, чтобы не ошибиться в измерениях, в оценке обстановки, вовремя доложить всем, кому положено... И раз уж коснулись этой темы: был еще один страшный для меня момент... Не знаю, чье это было распоряжение, но в первый же день после аварии на станцию стали завозить пиво и водку. Позже стали и спирт выдавать. Пока начальство было на месте - народ еще как-то сдерживался. А 1 мая - кого не встречу - почти все пьяные. Это при трех - хотя и остановленных - но реакторах. На мой взгляд, ничего, кроме вреда, водка тогда не принесла: люди теряли осторожность, получали лишние рентгены. Такие вот дела... Но возвращаюсь к вашему вопросу. 14-15 мая 1986 года на станции планировалось провести очередные учения ГО. На них была предусмотрена вводная о полном разрушении одного из реакторов. То есть теоретически такая вероятность все же допускалась. Другое дело, что никто ее серьезно не воспринимал. «Во время войны понятно, а так...» Ведь не случайно начальники так долго не хотели верить моим докладам. Да что там начальники! Горько говорить об этом, но вначале мне не поверил даже сын... Днем 26-го заскочил домой переодеться - одежда «светила» под две сотни миллирентген. Говорю Сергею - а он у меня инженер-электронщик, тоже работал на АЭС: «Серьезная авария. Не выходите с Ириной из

квартиры!» - невестка тогда была на девятом месяце. И вы думаете, они меня послушали? Я уехал на станцию, а они пошли в город: «Если будет что-то серьезное - оповестят!».

- И все же, как вы думаете, почему не оповещали?

- Что толку от моих предположений? Об этом надо тех спрашивать, кто должен был тогда принять решение... Допускаю, что сомневались в моих докладах, а те уровни радиации, о которых докладывал Брюханов, посчитали незначительными. Так ведь кроме нас разведку вели штабы ГО Припяти и Чернобыля, начальник химической службы воинской части «Чернобыль-2», служба радиационной безопасности станции, а потом и три приехавших из штаба ГО области офицера. А к 10 утра в Припять прибыл мобильный отряд киевского полка Гражданской обороны, и спустя два часа его разведывательные дозоры выдали достаточно полную информацию о радиационной обстановке в городе и его окрестностях. Насколько мне известно, командир этого отряда полковник Владимир Васильевич Гребенюк до сих пор хранит один экземпляр карты того времени. А на ней красноречивые данные: «Надо оповещать!». Наверное, могли быть сомнения в сроках начала эвакуации (пора - не пора), но сказать-то людям об аварии надо было обязательно. Реактор продолжал выплевывать радиацию, а в городе - обычная жизнь, детишки в песочницах играют... И сегодня вопрос с оповещением - темная история... Днем 26-го в город прибыла группа оказания экстренной помощи во главе с заместителем министра энергетики СССР Шашариным. Я встретился с ним лицом к лицу в исполкоме. Спрашиваю: «Почему не оповещается население?». Он мне: «Боймся паники и сопротивляются местные партийные органы»...

- А какие именно: городские, областные, республиканские?

- Вот и я хотел задать ему этот вопрос, уже было и рот открыл, но Шашарин меня опередил: «А вы, собственно говоря, кто такой?» Я представился. Он: «А, понятно... А где главный инженер?» и пошел мимо - мол, что с тобой, мелкой сошкой, говорить. После этой встречи я уже никому вопросов об оповещении не задавал - понял, что бесполезно... На мой взгляд целый ряд чинов, в том числе и ныне здравствующих, ушли от ответственности за свое бездействие в те дни, отделались легким испугом...

- Но ведь в 1992-93 годах этим вопросом занимались и Прокуратура Украины, и комиссия Верховного Совета. Допрашивались свидетели, изучались документы...

- Да, и нашли среди крайних Валентину Шевченко. А ведь были люди конкретно отвечающие за вопросы ГО. С них и надо спрашивать. Свидетели, говорите... Где они теперь? Главного из них - председателя правительственной комиссии Щербины - нет в живых. Те же Соловей и Сушко, с которыми ходил в разведку, уже несколько лет как умерли, а они были в гуще тех событий, посменно дежурили на пункте управления и многое могли бы рассказать. Скольких теперь уже не спросишь... А что касается документов... Первые показания я давал уже в мае. Допрашивал меня один из заместителей генерального прокурора СССР. Разговор был спокойным, я бы даже сказал доброжелательным. Поговорили, я подписал протокол. Тогда многих допросили. Но потом проходит месяц, второй - все тихо. Люди уже стали поговаривать: «А кто же будет

за все отвечать?» Когда вызывают меня в КГБ - его следователи вели это дело. Они своей настройкой не скрывали: посадить. Вопросы, вопросы. Ответишь на одни - проходит неделя, две - они проконсультируются у специалистов и снова вызывают: еще десятки вопросов. А потом еще и еще. И вот в ходе следствия меня начинают уличать во лжи: вы, мол, даете одни показания, а в журнале оперативного дежурного штаба ГО Киевской области записаны другие данные. Думаю: «Что такое?» Приезжаю в штаб, смотрю журнал оперативного и не верю своим глазам: время моего первого доклада с 2.40 изменено на 3.25, там, где я сообщал о том, что общая авария - слово «общая» изъято, вместо 200 рентген - написано 20, что касается требования об оповещении - вообще ни слова... Весь журнал - а он с грифом «секретно» - переписан заново. Это же видно: два-три повторяющихся почерка, все чистенько, без помарок. И вот этой «липой» стали прижимать меня к стенке. Я следователям говорю: «Вы же специалисты, посмотрите - журнал переписан». А они: «Это документ. А чем вы можете доказать свою правоту? Надо было отправлять свои сообщения телефонограммами, письменно докладывать директору, требовать, чтобы он расписывался на ваших донесениях». Ну что тут скажешь? Формально они, наверное, правы, но разве до бумаг мне тогда было? Меньше всего в ту ночь думал, как потом оправдываться буду... Скольких нервов мне это следствие стоило! То, что физически был разбит, - это понятно. Я ведь больше полутора сотен рентген «взял» - на лекарствах живу. Но сильнее всего меня добил вот этот обман, несправедливость... Лет через пять после аварии разыскали меня журналисты российского телевидения, стали снимать для какой-то передачи. Рассказываю им о тех событиях, волнуясь, но держусь. А дошел до того, как меня хотели посадить, - не удержался, заплакал. Отвернулся от камеры, прошу: «Ребята, ради бога, не снимайте!»... Добило меня это следствие... Чуть живой, а уйти со станции нельзя: потеряешь допуск к документам ГО и потом попробуй докажи свою правоту... Такая вот ситуация. Пришлось врачей уговаривать, рентгены свои скрывать... В тюрьму-то не хотелось...

- Но справедливость все же восторжествовала?

- В общем-то, да. Уже перед судом, на последнем допросе следователь сказал: «Судя по всему, вы один из немногих управленцев станции, кто в ту ночь выполнил свои обязанности». Выполнить-то выполнил, но во всей специальной литературе фигурируют те доклады, которые были записаны в журнале оперативного дежурного. Как говорится, написанное пером не вырубишь топором.

- Кому же понадобилась эта фальсификация?

- Догадаться не трудно: тем, кому надо было оправдать свое первоначальное бездействие. Ведь когда дело дошло до следствия, они как оправдывались: «Вначале информация об аварии не вызывала тревоги», и все валили на «плохого» Брюханова. Ну хорошо, пусть мои слова не расслышали, и в журнал вместо 200 рентген записали 20. Но разве 20 рентген - это мало? И ведь это я докладывал в 4.45. Так почему мобильный отряд ГО, который через час после этого выехал из Киева в Припят, так и не знал, что в районе аварии высокие уровни радиации? Не хочу ворошить прошлое, но такие вопросы можно задавать и задавать.

- А на суде они прозвучали?

- Там все обвинения были сосредоточены против находившихся на скамье подсудимых (Брюханов, замечу, на суде держался достойно: не юлил), но хочешь-не хочешь, всплывали и многие из этих вопросов. Я ведь и на суде рассказывал все как было. Противоречия, конечно, заметили, и было принято решение выделить гзэшные вопросы в отдельное производство. Но в советские времена к ним так и не возвратились, а как было дальше, вы и без меня знаете... После допроса на суде - а это более часа продолжалось - я сразу ушел. Не было уже никаких сил все это слушать. Кто какие давал показания - прочел позже.

- Разве материалы суда опубликованы?

- Насколько я знаю, нет. Но я ведь читал рукописный вариант... Суд хоть и назывался открытым, но проходил-то в закрытой зоне. В Чернобыле специально для этого отремонтировали здание Дворца культуры. Вход - по пригласительным, а их раздавали работникам станции так, чтобы сегодня на заседании суда присутствовали одни, а завтра - другие. Попробуй вникни, что к чему. Когда люди увидели, что им не дают проследить весь ход процесса, то стали по очереди вести записи. Потом собрали их все вместе и получился огромный том. Он и сейчас, наверное, хранится у кого-нибудь из бывших работников станции.

- А у вас остались какие-то записи того времени?

- Нет. Было несколько рабочих блокнотов, но я все их сжег, когда в январе 1989 года уходил со станции. Думал всё: больше к этой теме возвращаться не буду. Хватит! Сколько всяких бумаг, объяснительных написал: приходилось поминутно свои действия расписывать. Я ведь еще не все вам рассказал... В мае - это я еще в «Сказочном» был - поступила команда привлечь меня к партийной ответственности. И вот честно вам говорю - на награды я не рассчитывал, но в душе все же надеялся, что за работу в те дни мне хоть спасибо скажут, а тут: «Клади партийный билет на стол». Вначале вызвали в обком. Приезжаю в Киев. Направляют к помощнику первого секретаря. Тот сразу: «Почему не оповестили население?». Начинаю объяснять. Долго мы с ним говорили. Вижу: не буквоед, пытается разобраться что к чему. Выслушал меня - пошел к первому. А вы, наверное, помните тот май - жара, духотища. Окна и двери всюду нараспашку. Помощник в кабинет, а сквозняк дверь приоткрыл. Сажу в приемной и слышу - уши ведь затыкать не будешь - докладывает: «Воробьев обстановкой владеет. Тут надо разобраться и разобраться». Поручают это дело горкому. Приезжаю туда. Там: «Будете отвечать по всей строгости!». Спрашиваю: «За что?». Они мне: «За что - будет видно. Есть команда из обкома». Но потом и эти вникли - не все так просто, да и по уставу партии положено вначале рассмотреть вопрос в первичной партийной организации... Проводят собрание: «Отчет коммуниста Воробьева о работе, проделанной им во время аварии». Рассказываю, как оно все было. А многие из присутствующих сами в ту ночь были на станции, видели, что к чему. Собрание выносит решение: «Принять отчет к сведению». И все. Докладывают об этом в горком. Оттуда: «Такое решение не годится!». Трижды отчитывался, но формулировка осталась прежней.

- Партсобрание ограничилось вашим заслушиванием. С юридической точки зрения к вам претензий нет. Но Припять-то об аварии оповещена не была! Может, все-таки надо было действовать как-то иначе?

- Больного коснулись... Сколько я над этим думал! Задним умом мы ведь все сильны. Кажется, делал все правильно, по инструкциям, а результат... И сегодня не очень представляю, как именно, но наверное надо было еще настойчивее убеждать директора и штаб ГО области... Или днем 26-го, когда увидел, что никто на оповещение не решается, оставить за себя на станции Сушко, а самому в Припять - туда ведь столько начальства наехало. И доказывать там всем, что надо объявлять об аварии. А не удалось бы это - ехать в Чернобыль. Плунуть на всю секретность и звонить оттуда и в Москву, и в Киев. По всем инстанциям: в «Союзатомэнерго», штаб ГО страны, Кабмин, ЦК! К Горбачеву или Щербицкому - понятное дело - не прорвался бы, но может быть, хоть кто-то меня бы услышал?!...

Source: https://zn.ua/SOCIETY/vnachale_mne_ne_poveril_dazhe_syn.html